

Нам часто кажется, что в кругу своих родных и близких мы в полной безопасности, но эта история расскажет, почему это заблуждение. Честно говоря, когда я готовил этот материал, мне стало несколько не по себе, почему – узнаете в конце этого видео.

Спустя долгое время Вера часто размышляла о том, что случилось. Это как сунуть руки в огонь: вроде бы знаешь, что обожжешься и будет больно, но всё равно это делаешь. Не из глупости – нарочно, чтоб уже наверняка.

Тем вечером Вера гладила блузку. Утюг у неё был старый, советский, очень тяжелый, на пластиковой ручке виднелась заметная трещина. Вера купила его три года назад на привокзальном рынке. В комнате её свекрови громко работал телевизор, оттуда же доносился резкий запах мази с камфорой. Муж Веры, Игорь, тем временем ужинал на кухне. Вера слышала, как он медленно елозил ложкой по тарелке, как будто он не ел, а просто ковырялся в еде.

Тут резко распахнулась дверь и в комнату Веры ворвалась Нина Степановна, вся красная и вспотевшая. Она начала наезжать на Веру, мол, почему в комнате воняет дымом, обвинила её в том, что она курила, хотя та ничего подобного не делала! Потом Нина Степановна увидела стопку вещей, которые Вера только что погладила, – и началось. Она резко схватила первую попавшуюся блузку, подошла к открытому нараспашку окну и просто вышвырнула её на улицу...

Вера, увидев это, даже с места не сдвинулась. Но дело было не в том, что она не успела как-либо остановить свою свекровь. Женщина просто стояла и наблюдала, как в окно отправляется её следующая, темно-синяя блузка с мелкими пуговицами, потом одна её книга, вторая... Затем свекровь швырнула в окно косметичку – она раскрылась прямо в полете, а косметика оттуда разлетелась по всему газону. Нина Степановна в это время громко орала, обзывала Веру мымрой и другими обидными словами, требовала, чтобы та проваливалась из её квартиры. Голос у неё при этом был такой, будто бы она не столько злилась, сколько выла от горя. Казалось, что ей самой было очень плохо, и виноватой в этом она считала именно Веру. Наверное, если смотреть только с её стороны, то так оно и выглядело.

Вера поставила утюг на подставку и выключила его из розетки, вышла в коридор. Там, у стены между кухней и ванной, она заметила Игоря. Вера остановилась напротив мужа – она ожидала от него хоть какую-то реакцию на произошедшее. Так как квартира у них была очень маленькая, Вера была на сто процентов уверена, что Игорь слышал все, что происходило в её комнате. Он на секунду поднял голову, посмотрел на жену и тут же отвернулся к окну. Просто отвернулся, не выдавив из себя ни слова. И для Веры такая реакция мужа стала весьма показательной.

Уже позже она поняла, что в тот момент у нее внутри всё оборвалось. И нет, ей не было больно, обидно или тоскливо. Ей просто стало всё равно.

Она взяла свою сумку с вешалки и начала спускаться по лестнице. Перила немного пошатывались, на третьей ступеньке всё еще не было резиновой накладки – Игорь всё обещал её прибить, но так и не прибил. Вера вышла на улицу.

Во дворе было много людей. На лавочке сидели три женщины. Вера часто видела их раньше, но не знала точно, как их зовут. Неподалеку топталась молодая мамаша с коляской, а чуть дальше, возле клена, стоял мужчина с собакой. Всех их взгляды были направлены на траву под окнами, где валялись раскиданные блузки, книги и косметика. Потом посмотрели на Веру.

Она подошла к газону и спокойно, не спеша начала собирать свои вещи в большую клетчатую сумку, которую принесла заранее. Первым делом подняла помаду – её крышка треснула, но сама она была целая, потом аккуратно сложила блузки. Потом подняла две книги: одна из них раскрылась при падении и страницы немного помялись о землю. Потом сложила косметичку.

Женщины на лавке начали о чем-то шептаться, мужчина с собакой сразу отвёл взгляд в сторону. А вот собака продолжала любопытно глазеть на Веру.

У Веры была такая особенность, что когда она ощущала сильный страх или стыд, у неё начинали мёрзнуть уши. Не всё тело, а именно кончики ушей. Вот и сейчас они стали ледяными, несмотря на то, что вечером было тепло, а на улице пахло разогретым от дневной жары асфальтом.

Вера достала телефон и вызвала такси через приложение. На экране мелькнуло сообщение, что машина приедет через семь минут. Она ждала стоя, поставив сумку у ног, поскольку лавочка была уже занята.

Вскоре во двор прибыла жёлтая "Лада"; её водитель, пожилой мужчина в кепке, посмотрел в зеркало, но не стал задавать лишних вопросов. Вера поставила сумку на заднее сиденье и села рядом. Она назвала адрес, машина развернулась и поехала по улице Гагарина.

Теперь-то Вера понимает, что в тот момент ей стоило бы зарыдать или закричать – одним словом, дать хоть какую-то эмоцию. Но она просто молча смотрела в окно на проносящиеся мимо фонари, деревья вдоль дороги, вывески магазинов, и ей было абсолютно спокойно. Это выглядело странно со стороны, но тогда она об этом даже не задумывалась.

Сестра Веры, Оля, жила в обычной хрущевке на четвертом этаже. Лифт там не работал уже года два, так что Вере пришлось тащиться с тяжелой сумкой пешком по лестнице. На часах было полдвенадцатого ночи, когда она позвонила в дверь. Оля открыла ей

сразу, как будто специально стояла за дверью и ждала. Она посмотрела на Веру, потом на её огромный баул, но спрашивать ничего не стала, простопустила сестру в квартиру.

Они прошли на кухню. Там было довольно мрачно: горела только одна лампочка над плитой, из-за этого половина комнаты почти не освещалась. Оля поставила вариться кофе в старой турке. Она даже не помыла её после прошлого раза, просто сдула остатки гущи и поставила на конфорку. Кухня мгновенно наполнилась кофейным ароматом, но этот аромат смешался с вонью от кошачьего лотка – Оля явно забыла в нём прибраться.

– Ну, давай, выкладывай, – проговорила Оля, даже не повернувшись к сестре.

Вера ничего не ответила. Оля разлила кофе в маленькие чашки со сколотыми краями – у Оли вообще в доме почти не осталось целой посуды. Она поставила одну чашку перед Верой, а сама села напротив и стала внимательно на неё смотреть.

– Вот как ты умудряешься постоянно быть такой спокойной, а? – наконец спросила она.

– Да я бы на твоём месте...

Оля не договорила и просто махнула рукой.

– Оля, это конец, – тихо сказала Вера.

Оля удивленно подняла брови. Вера взяла чашку в руки. Фарфор был очень горячим, и это тепло помогало ей хоть немного собраться с мыслями. Она не понимала, с чего начать свой рассказ. Точнее, она знала все подробности, но ей очень не хотелось снова всё это вспоминать. Последние полгода она просто прятала все обиды глубоко внутри себя и старалась лишний раз их не ворошить, чтобы снова не ощущать боль.

Это сейчас Вера понимает, что Оля тогда не знала и половины всей правды, ведь она рассказывала сестре всё лишь в общих чертах. Не потому, что была гордой. Просто когда говоришь о таком вслух, то оно становится слишком реальным, а Вера к такому ещё не была готова.

Например, в марте Нина Степановна взяла за привычку постоянно выкладывать продукты Веры из холодильника на подоконник. Каждый раз Вера, когда возвращалась с работы домой, видела свои йогурты, мясо и масло на подоконнике в коридоре. И каждый раз, требуя объяснений, она слышала, что в холодильнике якобы не хватает места, хотя на самом деле там пустовала целая полка! Вера надеялась, что Игорь хоть как-то приструнит свою мать, но он её только защищал, мол, она просто подустала и нужно немного потерпеть (как будто усталость – это оправдание для любого человеческого скотства).

А вот случай месяцем ранее, в феврале. Вера шила на машинке, никого не трогала. В её комнату вошла Нина Степановна и, став прямо над душой, осуждающе выдала: "Стрекочешь тут". Больше ничего не сказала, развернулась и ушла. А Игорь вечером снова завёл свою пластинку о повышенном давлении у мамы, плохом самочувствии и так далее, просил понять и простить. И Вера понимала. Она очень долго всё и всех понимала, прощала, входила в положение... Пока в какой-то момент ей это просто не надоело.

А вот ещё был случай в апреле, задолго до скандала. Вера сидела на краешке ванной и тихонько плакала. У неё накопело, она больше не могла все в себе держать, ей нужно было выплакаться. Вдруг она услышала, как Игорь постучал в дверь и на секунду обрадовалась, подумав, что, может, он пришёл её поддержать или просто побыть рядом с ней. Но он просто крикнул через дверь: "Выходи давай, мать ужин накрыла!" – и на этом была вся его "поддержка".

И вот тогда у Веры в голове всё стало на круги своя. До неё дошло, что Игорь сам по себе не подлец, а просто человек, в жизни которого на первом месте стоит мать, потом – его личное спокойствие, потом – вовремя приготовленный ужин, и лишь только потом, где-то в конце списка, – его жена, её чувства и эмоции. Она поняла, что он никогда не изменится – слишком удобно для него так жить, а менять свои привычки ради неё он точно не станет.

Оля внимательно слушала и не перебивала. Только один раз тихо выдохнула: «О Господи». Вера в ответ просто покачала головой.

– Ну, и что ты будешь делать дальше? – спросила Оля. В её голосе ощущались нотки сильной жалости, но Вера не стала обижаться, ведь сестра ещё ничегошеньки не знала.

Вера поднялась со стула, подошла к сумке, достала оттуда обычную серую папку на резинке Вера и положила её на стол прямо перед сестрой.

– А я уже всё сделала, – спокойно сказала она.

Оля уставилась сначала на папку, потом на Веру.

– Это ещё что?

Но Вера отвечать не спешила. Она снова села за стол, сделала небольшой глоток кофе и только тогда пояснила сестре, что в папке – заявление на развод, а также на раздел имущества. Оказывается, женщина подала его ещё два месяца назад, но ни Игорь, ни его мать об этом были ни сном, ни духом.

У Оли от удивления даже рот приоткрылся. Она попыталась что-то сказать, но смогла только выдать:

– Два месяца? То есть ты целых два месяца... – и замолчала, так и не закончив мысль.

Вера просто кивнула. Все эти два месяца она как ни в чём не бывало ходила на работу, покупала продукты в местном магазинчике, готовила ужины, здоровалась со свекровью каждое утро и спокойно выслушивала все жалобы Игоря на своё начальство по вечерам, и при этом в боковом кармане сумки держала папку с пакетом документов.

Теперь-то Вера могла бы рассказать, почему она молчала всё это время и почему так долго всё это копила. Но в ту ночь на кухне она просто сидела и смотрела, как сестра медленно листает её бумаги. Оля читала документы и ничего не говорила. Только один раз она провела пальцем по строчке, где стояла дата, а потом подняла глаза на Веру.

Вера даже не сразу поняла, что означал тот взгляд её сестры. В глазах Оли читалось не просто удивление. В её глазах читалось то ли огромное уважение, то ли сильный страх – скорее всего, и то и другое вперемешку.

Игорь в то утро проснулся довольно поздно. Все подробности Вера узнала немного позже, от соседки со второго этажа, которая рассказывала о случившемся с таким азартом, как будто выиграла в лотерею. Наверное, интересно наблюдать за чужими проблемами, пока они не коснутся тебя лично...

Не успел Игорь встать и одеться, как к нему позвонили в дверь. Игорь открыл и увидел на лестничной площадке троих людей – судебного пристава, понятого и слесаря, которого привели, чтобы тот помог взломать замок, в случае чего.

– Игорь Владимирович Стрельцов? Распишитесь в получении постановления о разделе имущества.

Ну и всё. Наступило то самое утро, к которому Вера втихаря готовилась целых два месяца.

Игорь начал читать документы прямо в дверях. Он мгновенно побледнел, попятился назад, а потом у него просто подкосились ноги – он уселся прямо на пол в коридоре, привалившись спиной к стене под вешалкой.

Пристав перешагнул через порог, осмотрелся и начал что-то записывать. Слесарь так и остался стоять на лестничной площадке. А у Игоря в руках была целая пачка документов: заявление на развод, которое Вера тайно подала два месяца назад, решение суда и постановление о разделе имущества. Квартира была оформлена на двоих супругов и считалась их совместной собственностью, так что теперь расклад был

простой: либо Игорь находит деньги и выплачивает Вере её долю, либо жильё выставляют на торги, а деньги делят пополам.

Тем временем из спальни в ночнушке и с бигуди на голове выбежала взволнованная Нина Степановна и сходу начала кричать, мол, кто пришел, что случилось, что надо и так далее. Пристав спокойно спросил у неё, прописала ли она по этому адресу, на что та закричала:

– Я мать! Я здесь тридцать лет уже живу!

Пристав сказал, что прописка не даёт права Нине Степановой на владение жильём, поскольку квартира оформлена только на супругов. Нина Степановна растерянно уставилась на сына:

– Игорь, что это он такое говорит?!

Но Игорь ничего не ответил. Он так и сидел на полу и тупо глядел в бумаги, словно ожидал, что там появится что-то новое.

Вскоре Игорь наконец поднялся, пошёл на кухню и взял свой старый Самсунг с треснутым экраном – он хотел позвонить банк. Нина Степановна крутилась рядом и так и эдак, дёргала его за рукав халата, молилась:

– Ну скажи им, скажи, что это какая-то ошибка!

Игорь отмахнулся от неё и прижал трубку к уху. Оператор быстро ответил, и Игорь спросил про их общий счёт, куда они вдвоём откладывали деньги последние четыре года. Так как сберкнижка была оформлена на двоих, Вера каждый месяц переводила туда часть зарплаты, но Игорь всё это время остаток особо не проверял: он был уверен, что там лежит около двухсот тысяч. Как вдруг выяснилось: Вера свою половину сняла – ровно сто тысяч – буквально за день до того грандиозного скандала. Ничего незаконного в этом не было: её доля, её право ею распоряжаться.

Когда до Нины Степановны дошло, что произошло, она заорала так, что её, наверное, было слышно на улице.

– Вот змея! Хитрая, подлая, расчётливая змея! Игорь, ты понимаешь, как она нас с тобой подставила? Ты понимаешь?!

А Игорь просто стоял у холодильника и молчал. Он был в полной растерянности. Пристав тем временем дооформил протокол, спокойно объяснил, что делать дальше, оставил документы на кухонном столе и ушёл.

Знаете, в чем-то Нина Степановна была реально права – Вера действительно всё рассчитала до мелочей. Удивительным был праведный гнев старушки, как будто сама она – ангел во плоти, которого цинично обидела злая невестка. Это ж не она последние полгода делала все, чтоб превратить жизнь Веры в сущий ад – это Вера её, бедную, постоянно провоцировала и вынуждала так поступать. Что бы не произошло – в мире Нины Степановны всегда были виноваты все, но только не она.

Сама Вера в эти минуты сидела у сестры. Они пили кофе, Оля на делилась новостями с работы, рассказывала про новую заведующую, перестановки в расписании... Вера сидела, слушала, кивала головой, что-то периодически отвечала, но мыслями была совершенно в другом месте. Ей меньше всего хотелось думать о том, что происходило в тот момент в её бывшей квартире, она просто хотела пить кофе, беседовать с сестрой и не думать ни о чем.

И тут раздался звонок. Вера подняла трубку и услышала нервный голос Игоря:

– Ты... ты что устроила, Вера?! Что это за бумаги?! Заявление на развод, на раздел имущества... Когда ты успела вообще?! Да ты... ты...

Вера слушала и молчала.

– На счету ни копейки не оставила! – эту фразу Игорь произнес с такой интонацией, словно пустой счёт был для него хуже ночного кошмара. На это Вера спокойно ответила, что там была её половина и она имела на нее полное право. После этой фразы Игорь наконец умолкнул.

На заднем плане Вера услышала голос Нины Степановны – всё тот же громкий, властный, напористый... Последние три года Вере приходилось его терпеть практически ежедневно.

– Перезвони позже, – сказала Вера Игорю и положила трубку.

Оля вопросительно посмотрела на сестру.

– Это они?

Вера кивнула. После минутной паузы Оля спросила:

– Ну, и как ты?

Это был хороший вопрос. Вера и сама толком не понимала, что чувствует. Злорадства точно не было – не в её это характере. Она просто почувствовала облегчение, будто огромный камень, который она тащила все эти два месяца, наконец-то свалился с плеч.

Но где-то глубоко внутри покоя не давало иное. Игорь на полу в коридоре с бумагами в руках... Вера не видела этой картины, только представляла по рассказу соседки, но от этого ей было тошно. Не то чтобы она его жалела, нет. Ей просто было тошно. В глубине души она понимала: возможно, был вариант сделать по-другому, но она выбрала поступить именно так, как поступила. И ничего уже не изменить.

Через три дня она позвонила Игорю, сообщив, что приедет за документами в пятницу. Игорь сначала промолчал, а потом коротко сказал: "Приезжай". Сказал это грубым, холодным голосом – и Вера это сразу заметила. Она поняла, что он пришёл в себя и придумал, что ей сказать, поэтому настроилась на долгий и тяжёлый разговор.

Ближе к одиннадцати утра Вера вышла с автобуса и пошла к дому. От остановки ей оставалось пройти три квартала. Вера знала тот маршрут, как свои пять пальцев: за эти годы она ходила по нему сотни раз. Она не думала, что будет говорить, с чего начинать разговор, плевать ей было на слова. На самом деле ей нужно было только одно – удержать лицо. Нормально, уверенно зайти, крепко прижимая локтем пластиковую папку.

Игорь открыл сразу, как будто караулил у двери. Вид у него был совершенно запущенный: щетина на лице, синяки под глазами и футболка – всё та же серая, замызганная, несвежая. Он мазнул по ней быстрым, злым взглядом, посторонился и освободил проход. Вера молча зашла вовнутрь.

На весь коридор пахло жареным луком: это свекровь опять кашеварила с утра пораньше. Вера глянула на вешалку – с её крючка пропали куда-то всё её вещи, а вместо них висела куртка Игоря – и двинулась вглубь квартиры, в комнату, к шкафу, где всегда хранились важные бумаги.

– Ну и дрянь же ты, – выдавил Игорь почти шёпотом. От этого его спокойного голоса Вере стало даже хуже, чем если бы он орал. – Схему целую провернула тут, да? За моей спиной?

Но Вера его просто проигнорировала. Сразу наклонилась пониже и с силой потянула на себя нижнюю секцию серванта. Там, в куче бумаг, валялся её паспорт, трудовая книжка, а также свидетельство о браке – теперь оно было просто бесполезным куском картона. Еще и доки на машину там же лежали, хотя никакой машины у Веры отродясь не было.

Вера даже не подумала развернуться к нему лицом. Просто продолжала сгребать бумаги в папку. Игорь сделал шаг вперед, заходя в комнату.

– Подумать только: полгода! Полгода ты ходила с миной святой великомученицы, притворялась! А сама втихаря готовилась? Копила вот это вот всё? Да?

Он встал у неё прямо над душой, и Вера почувствовала, какое дикое напряжение от него шло. Но она даже взгляда не подняла. Спокойно закрыла ящик, поднялась и только тогда повернулась к нему лицом. Игорь, на полголовы выше, стоял к ней почти вплотную. И тут она впервые посмотрела на него нормально, без страха размякнуть перед ним. За маской ярости она увидела человека, который искренне недоумевал, как мог мир вот так внезапно перевернуться с ног на голову. Никакой жалости к нему она не чувствовала – ей просто стало предельно ясно, с кем она жила все эти годы.

Вера положила папку на сервант и вытащила из кармана диктофон – маленький, чёрный “Олимпус”, купленный в комиссионном на Октябрьской за восемьсот рублей.

– Полгода записывала всё на диктофон, – спокойно сказала она, – в том числе то, как вы со своей мамашей на кухне обсуждали, что надо дожидаться, пока я сама психану и уйду, чтобы мне вообще ничего не досталось – ни жилья, ни денег. Хочешь, дадим послушать в суде?

Игорь промолчал, но лицо у него будто окаменело. Вера спрятала диктофон в карман, взяла папку и пошла на выход. В коридоре они пересеклись со свекровью. Нина Степановна замерла – смотрела то на папку, то на сына в дверях. Она была уверена, что она тут хозяйка, и искренне обижалась, что кто-то посмел пойти против неё. Вера быстро обулась и толкнула дверь, чтоб уйти, как её окликнул Игорь:

– Стой, – он подпирал плечом косяк. – Ты же могла просто уйти нормально, в конце-концов, поговорить по-человечески...

Надо же, вот к чему он пришел за три дня. Оказывается, это она опять виновата! Это она неправильно поступила!

– А ты мог хоть один раз просто успокоить свою мать, – тихо ответила Вера. – В конце-концов, просто сказать ей: хватит. Мне много от тебя не надо было, всего лишь одно слово, но ты его ни разу не произнес.

Игорь был в шоке. По лицу было видно – Вера попала в самое яблочко. Он ведь и сам всё это прекрасно знал о себе, просто раньше ему такого никто не говорил прямо. Ну, а раз не говорили – значит, всех все устраивало и всё было зашибись.

Наверное, самое жестокое, что можно было сделать – это вывалить человеку всю правду о нем тогда, когда он ничего уже не может исправить. Даже если б сильно хотел.

Она вышла в подъезд, а пока спускалась, кинула взгляд на ту самую планку на ступеньке, которую Игорь так и не прибил. Шла спокойно, ноги не тряслись. Никакого восторга или дикого облегчения не было – только какая-то гулкая пустота внутри. Это как когда из квартиры всё вывезли, и остались одни голые стены. Места много, а вот зачем оно – неясно.

Лёгкая уличная прохлада немного привела Веру в чувство. Она добрела до остановки, опустилась на лавку, уложила папку на колени. Без лишних мыслей она наблюдала за каким-то дребежущим по дороге старым жигулёнком. Вера проводила его глазами, глубоко выдохнула и тихо произнесла: “Наконец-то, баста!”

Но в голову уже начали лезть совсем другие вопросы: а как это всё выглядело со стороны? Если не брать в расчёт её обиду и его глупую злость – кто в этой истории прав, а кто виноват?

Прошло три недели с дня, когда Вера по документы съездила. Игорь с продажей квартиры затягивать не стал: нашел первого попавшегося покупателя через знакомого риелтора и задвинул жилье по-дешевке. Сильно, видать, торопился. В первых числах перечислил деньги Вере на карту.

А Вера тем временем снимала квартиру на Комсомольской, в обычный хрущевке с облупленным над подъездом козырьком. Квартира была маленькая, примерно двадцать два квадрата, зато окна выходили во двор. Прямо под окном росли березы, а ещё стоял какой-то гараж-ракушка. Из мебели на первых порах – раскладушка, матрас да табуретка. Коробки с вещами так и громоздились вдоль стены, половину из них Вера даже не вскрывала. В комнате воняло краской после косметического ремонта, а с подвала несло сыростью, но Вера к этим мелким неудобствам привыкла достаточно быстро.

Как-то вечером к Вере на новую квартиру приехала Оля, привезла с собой два пакета еды. Там был и борщ домашний, прямо в кастрюле, и хлеба две буханки, и банка августовского варенья. Стола в квартире пока не было, поэтому сестры устроились пирствовать прямо на полу. Подстрелили матрас, кастрюлю поставили между собой и ели из одноразовой посуды. Оля сидела, голые стены разглядывала и молчала. Она вообще умела молчать, это у нее всегда хорошо получалось. Потом все-таки заговорила:

– Слушай, ну ты бы хоть занавески какие-то купила...

Вера на окно это голое посмотрела.

– Куплю ещё.

– Когда?

– Когда руки дойдут, тогда и куплю.

А потом Оля спросила. Тихо так, осторожно, как обычно спрашивают нерешительные люди:

– Тот скандал... Ну... Когда вещи твои свекровь выкидывала из окна... Ты ведь заранее знала, что так всё будет, да?

Вера даже бровью не повела: она знала, что этот вопрос ей рано или поздно зададут.

– Знала, – говорит. Оля поставила тарелку борща на пол.

– Расскажи.

А дело было так. Недели за две до того скандала Вера зашла в аптеку на Первомайской и встретила там Нину Степановну. Свекровь стояла у витрины и вовсю щебетала с фармацевтом – они там подружки давние, еще с советских времён. Вера у полки с витаминами встала спиной к ним, чтоб не светиться лишний раз. Слышно было плоховато, аптекарь говорила достаточно тихо, но одну фразу Нины Степановны Вера слышала отчётливо. “Надо сделать так, чтоб она сама манатки собрала и свалила, тогда и требовать ничего не посмеет”. Свекровь выдала это и рассмеялась, да так деловито, будто выжить человека из его собственного дома для нее – это в порядке вещей.

В общем, купила Вера свой витамин С и вышла на улицу. Пока стояла на крыльце и дышала свежим воздухом, она осознала одну страшную вещь: ее всерьез хотят выжить из квартиры и настроились сделать для этого все возможное. Типа, ждут, когда сорвется и сама убежит, чтобы потом не смогла претендовать на жилье и в итоге осталась без копеек.

И вот тогда Вера решила действовать. Она не хотела мстить, ей просто нужно было разрушить этот коварный план – ради своего же блага. Она посмотрела на даты в судебных бумагах, которые лежали в папке, и поняла – все готово, тянуть некуда. Только уходить надо было громко, на глазах у всех, со сведениями в лице жильцов дома. Чтобы потом никто – ни она сама, ни ее муж, ни ее свекровь – не могли попрекнуть: “Ну ты же по-хорошему ушла, значит претензий никаких не имеешь и иметь не можешь!”.

В тот четверг она специально осталась дома, хотя могла и уехать ещё к утру. Видела же, что Нина Степановна с утра на взводе: то тарелками бахает, то ворчит себе что-то под нос – Вера за три года эти симптомы как таблицу умножения выучила. Она знала, что свекровь готовится к скандалу, поэтому переложила поближе вещи, чтоб удобно было, распахнула окно на всю и взялась гладить блузку.

Оля сидела не шевелясь, слушала внимательно каждое слово сестры и под конец только тихо спросила:

– Выходит, ты сама, по своей воле устроила весь этот цирк? Специально все подстроила?

Вера не спешила оправдываться.

– Оль, мне была нужна хоть какая-то зацепка, – после небольшой паузы глухо произнесла она. – Лично для себя, понимаешь? Не для суда, не для людей или ещё кого-то – исключительно для себя. Чтобы потом, спустя годы, не грызть себя мыслями, мол, а вдруг я слишком поторопилась, а вдруг я могла как-то иначе поступить. Ушла бы я по-тихому, то потом бы годами мучилась.

Оля снова затихла на какое-то время, будто придумывала следующий вопрос. И всё-таки его озвучила:

– А ты его вообще любила?

На такие вопросы не отвечают сразу, иначе это будет вранье. Нужно время. Вера долго смотрела сквозь стекло на двор, где под тусклым светом фонаря белели березы.

– Любила, – говорит. – Но еще год назад до меня дошло, что он меня не выберет. И дело не в том, плохой он или хороший человек. Нет. Просто говорю, как оно есть. Я могла бы и дальше так жить и всё терпеть, но, как видишь, я не захотела. Просто не увидела в этом смысла.

К одиннадцати Оля уехала домой. Вера прибралась немного, подвинула к стене кастрюлю. Из коробки достала тетрадку обычную в клеточку, села на матрас и на первой странице написала несколько слов. Не Игорю – ему-то она всё уже в глаза высказала, хватит с него. Себе написала: “Даже не знаю, расчет это был или просто самозащита. Наверное, всё вместе, ведь одно другому не мешает. Я сделала как сделала. Мне было слишком больно, и мне просто захотелось это всё прекратить. Так, по крайней мере, честно по-отношению к себе.” Вера поставила точку и закрыла тетрадку. Перечитывать свои записи она не стала.

Вера легла и посмотрела вверх. В квартире когда-то протек потолок, и с того момента там осталось огромное желтое пятно, чем-то напоминающее контуры какой-то страны. Вера все смотрела на него и думала: “Зато это мой потолок. Мое пятно, мои березы за окном, мой запах сырости из подвала... Да, квартира маленькая, да, немного убитая, но зато – моя. И никто меня отсюда уже не будет пытаться выжить.”

Самозащита ль это была, или типичное нападение? Вера и сама толком не могла честно ответить себе на этот вопрос. Со временем это чувство просто перестало её мучить и превратилось в обычное, немножко горькое, воспоминание, за которое ей больше ни перед кем не нужно было оправдываться.

Честно говоря, когда эту историю дочитал до конца, то меня всего прям передернуло изнутри.

Вера ведь ни разу не закатывала истерики, не мстила в тупую на эмоциях; она просто в какой-то момент закрылась от них всех, и спокойно делала то, что считала нужным. Вы только вдумайтесь: женщина два месяца жила на одной жилплощади с человеком, зная, что втайне планирует с ним развестись. Каждый день желала доброе утро, возилась у плиты, готовила завтраки, обеды, ужины, выслушивала все жалобы на работу и дурака-начальника... Вы можете подумать, что Вера жестокая и циничная – но не это совсем не так. Просто в жизни иногда так бывает, что когда годами тебя не замечают в собственном доме, будто бы тебя вовсе не существует, ты постепенно начинаешь принимать на себя эту роль человека-невидимки – а потом, в один подходящий момент, используешь её как оружие.

У меня до сих пор из головы не идет тот случай, когда Вере рассказали про Игоря, растерянно сидящего среди судебных бумаг на полу, и ей стало жутко не по себе. Может показаться, что она в моменте его просто пожалела – но нет, чувства жалости она точно не испытывала, ей просто было тошно. И тут невольно задумываешься: а какая вообще грань между справедливостью и банальной мстостью? Или, может, в реальной жизни справедливость именно такая?

Как вы считаете, друзья: если человека годами пытаются довести до белого каления, сломать, выжить, а он берёт и бьет в ответ исподтишка – это можно называть самозащитой? Или это такое же нападение, за которое тоже когда-то придется расплатиться?

Пишите ваши мнения в комментариях под этим видео. До встречи!